

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.133.1

ИЕЗУИТЫ ПРОТИВ ЭНЦИКЛОПЕДИСТОВ: ПАРИЖСКИЕ И ПОЛОЦКИЕ СТРАНИЦЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛЕМИКИ¹

канд. филол. наук, доц. Д.А. КОНДАКОВ
(Полоцкий государственный университет)

Рассмотрены два эпизода литературной полемики между иезуитами и энциклопедистами. В центре первого из них – анонимная и малоизвестная сатира «Диалог между Книгоношей и Дидро в лавке Книгопродавца о словаре “Энциклопедия”», распространявшаяся в середине сентября 1751 года в Париже и предвосхищающая основные направления критики отцом Бертье статей из первого тома «Энциклопедии». Второй эпизод связан с опубликованным в декабре 1817 года трактатом отца Розавена «Защищенная и доказанная фактами истина против древней и новой клеветы», в котором содержится не только опровержение идеологии деизма, но и парадоксальная попытка сближения позиций Общества Иисуса и «философской партии». В обоих случаях вопросы научного знания являются орудием в борьбе за символическую власть.

Введение. Празднование 300-летия со дня рождения Дени Дидро стало поводом для возвращения ко многим аспектам его литературного, философского, эстетического наследия, и чаще всего, к изданию «Энциклопедии». В 2013 году доклады и сообщения, посвященные творчеству одного из крупнейших деятелей Просвещения, звучали на многочисленных научных конференциях, в публичных лекциях, новые и хорошо известные факты его жизни перечислялись в обновленных биографиях. В стороне от исследовательского интереса осталась полемика между Дидро и Д'Аламбером, с одной стороны, и иезуитами, с другой, по поводу «Энциклопедии». Зарождение и развитие конфликта хорошо известны и документированы, тщательно проанализированы в специальных работах, например трудах Дж. Папаса [1; 2], – кажется, что тема исчерпана.

Чтобы понять, так ли это, напомним вехи этой истории. Дискуссия вспыхнула в январе 1751 года на страницах «Журналь де Треву» (*Journal de Trévoux*; полное оригинальное название этого периодического издания – *Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux-arts*), редактировавшегося в тот момент отцом Гийомом Франсуа Бертье по поводу проспекта «Энциклопедии», который был сочтен иезуитами чересчур верным заимствованием идей Френсиса Бэкона. Дидро мгновенно ответил своему критику двумя открытыми письмами в конце января и 2 февраля. Реакция иезуитов на выход первого тома «Энциклопедии» последовала в октябре того же (1751) года, и в течение двух лет их полемические выпады следовали трем основным тематическим, фактически обвинительным линиям – плагиат, угроза алтарю и трону в статьях нового словаря. Прения несколько утихли, когда с ноября 1753 года перестали появляться критические заметки в «Журналь де Треву», но в завуалированной форме они продолжались вплоть до запрета Общества Иисуса во Франции в 1763 году и завершились публикацией книги «Об упразднении иезуитов во Франции» (*Sur la destruction des jésuites en France*, 1765). Ее «беспристрастный автор» – под этим весьма лукавым самоопределением, как известно, скрывался Д'Аламбер – подводит итог долгим словопрениям и утверждает триумфальную и, казалось бы, окончательную победу философов в борьбе с обскурантистами.

Не принимая целиком точку зрения энциклопедистов, многие исследователи все же видят в нападениях иезуитов стремление к господству над умами и нравами, желание устранить идейных соперников. Иначе представляет конфликт К. Альбертан. Для него это – столкновение двух эпистемологических установок: одна, проповедуемая иезуитами, связана с обширной эрудицией и скрупулезностью, другая – «философская» – предполагает рискованное «завладение» знанием [3, р. 116]. Так или иначе, иезуиты и энциклопедисты представляются антагонистами, что одновременно верно и нуждается в уточнении. Ведь спорить, дискутировать, вступать в диалог, плодотворный или ведущий к конфликту, возможно лишь в случае, когда имеются точки соприкосновения, задающие речевую ситуацию, провоцирующие начало общения. Очевидно, что было общей темой в исследуемом случае – знание, дающее символическую, но от этого не менее мощную власть. Изучить методы и стиль борьбы за нее, во многом схожие с обеих сторон,

¹ Данное исследование было выполнено в рамках стипендии имени Фернана Броделя парижского Дома наук о человеке (*bourse Fernand Braudel-IFER incoming, Fondation Maison des sciences de l'homme, Paris*) при финансовой поддержке Европейской комиссии. Автор благодарит также Ж. Дюлака (университет Монпелье 3, Франция) и А. Строева (университет Новая Сорбонна Париж 3, Франция) за их ценные замечания и рекомендации.

ее последствия, в первую очередь литературные и идеологические, на материале сочинений, написанных в разгар полемики в Париже и через полстолетия по ее завершении в Полоцке, – цель настоящей работы.

Дидро, иезуиты и Книгоноша в 1751 году. Как уже было сказано, решающим моментом в развитии конфликта между иезуитами и энциклопедистами стала публикация статьи отца Бертье в январском номере «Журналь де Треву» за 1751 год. Разбор основных положений проспекта «Энциклопедии», научно-методологических оснований будущего труда, журналист ведет вдумчиво и аргументировано, постоянно сравнивая идеи энциклопедистов с философской системой Ф. Бэкона, изложенной в трактате «О достоинстве и приумножении наук» (*De Dignitate et Augmentis Scientiarum*, 1623). Перейдя же в заключении своей статьи к средствам воплощения этого грандиозного замысла, отец Бертье меняет тональность научного диспута на насмешку: «Речь идет не о будущем проекте, но о готовом труде. [...] Нам обещают десять фолиантов, и мы не должны жаловаться, когда их окажется тридцать; публично утверждают, будто для этой работы было избрано 24 ученых, и не было бы ничего чрезвычайного, коли бы их выбрали сто; нельзя сомневаться в том, что работа велась многие годы, и мы не удивились бы, если бы она длилась 50 лет» [4, p. 326]. Едкие слова иезуита оказались едва ли не пророческими: как известно, вместо десяти обещанных фолиантов получилось в общей сложности двадцать восемь томов, которые создавались усилиями 162 авторов в течение 15 лет, а издавались 21 год.

Дидро в двух открытых письмах отцу Бертье отвечает, что вполне естественно, иронией на иронию. Однако такая тональность не казалась вполне приемлемой всем его современникам, даже из числа сочувствующих. Если Д'Аламбер считал, что ответ «удался», ибо Дидро, присовокупив к посланиям статью «Искусство» («Art»), «бросил журналисту бесстрашный вызов» [письмо к Г. Крамеру от 15 февраля 1751 года, цит. по: 2, p. 66], то аббат Рейналь в своих «Литературных новостях» дает неоднозначную оценку, а в конце февраля он сообщает своим подписчикам: «Около двух месяцев тому был опубликован проспект “Энциклопедии”, что печатается в Париже. Сей проспект недавно подвергся нападкам иезуитов, которые издают “Журналь де Треву”. Господин Дидро, автор проспекта, предпринял защиту своего сочинения со всем красноречием, всей пылкостью и колкостью, на которые он способен. Он отправил главе журналистов отцу Бертье письмо, должное доставить удовольствие всем, кто в курсе анекдотов, на которые в нем есть намеки. Сей автор присовокупил к своему письму заметку “Искусство” в том виде, в каком она должна быть в словаре. Сочинение это полно остроумия и философии, но тон его совершенно неумерен, ему недостает прекрасной легкости, прекрасной естественности Бейля» [5, f. 301^v–302^r]. Как видно, помимо похвалы стилю, заметка содержит и упреки в отсутствии «легкости» и «естественности» – качеств, присущих истинному философу, возвышающих автора над конфликтом, дающих преимущество в споре. Аббат Рейналь с сожалением констатирует – Дидро ввязался в перепалку.

Возможно, автор «Литературных новостей» был не единственным, кто не одобрил тон энциклопедиста в диалоге с журналистами Треву. Такое предположение может отчасти объяснить переворот в общественном мнении, произошедший после выхода в свет первого тома «Энциклопедии». Рейналь замечает 20 сентября 1751 года: «Первый том “Энциклопедии”, сперва снискавший успех, теперь почти всеми осмеян» [5, f. 351^v]. И в подтверждение тому приводит текст сатирической поэмы «Диалог между господином Дидро, Книгоношей и Книгопродавцем о словаре “Энциклопедия”» (*Dialogue entre M. Diderot, un Colporteur et un Libraire sur le Dictionnaire de l'Encyclopédie*).

На этом произведении следует сделать особый акцент, поскольку оно редко становилось объектом критического анализа как со стороны историков, так и литературоведов, хотя его содержание весьма красноречиво, а время появления в читающем обществе не случайно. Впервые этот текст зафиксирован 16 сентября 1751 года (а не 16 августа, как утверждает Дж. Лох [6, p. 289], – видимо со стороны именитого ученого имеет место простая описка) в собрании Жозефа д'Эмери, инспектора парижской полиции, ответственного за контроль над печатной продукцией [7, f. 118^r–119^r]. Его вариант текста имеет лишь два разночтения с вариантом, распространенным в «Литературных новостях», но одно – весьма существенное. Заголовок в копии д'Эмери гласит – «Диалог между Книгоношей и Дидро в лавке Книгопродавца о словаре “Энциклопедия”» (*Dialogue entre un Colporteur et Diderot dans la boutique d'un Libraire, sur le Dictionnaire de l'Encyclopédie*). Достаточно сравнить его с содержанием поэмы, чтобы принять как более точный¹. Во-первых, Книгопродавец справедливо, по сравнению с вариантом Рейналя, не фигурирует в числе действующих лиц. Он произносит только одну реплику, указывая на Дидро как на автора «Энциклопедии», фактически его функции сводятся к обозначению социального пространства разговора. Во-вторых, на первом месте стоит Книгоноша, который является зачинщиком беседы и ее центральным участником.

¹ В рукописных фондах библиотеки Арсенала также сохранилась копия «Диалога» [8, f. 94^r–95^v]. Первые публикации текста – Ж. Асеза и М. Турне [9, p. 126–128] и Э. Ронье в «Сборнике Клерамбо-Морепа» [10, p. 200–203], – появившиеся в последней четверти XIX века, восходят, очевидно, к рукописи из собрания д'Эмери, но обе они содержат несколько опечаток, искажающих смысл текста в ключевых местах. Мы цитируем эту сатиру по новейшей публикации Дж. Лоха и Ж. Пруста [11, p. 34–36].

Наконец, в-третьих, Дидро не случайно отодвинут на второе место и назван запросто по фамилии без уважительного обращения «господин» (Monsieur, сокращенно в заглавии Рейналя – М.) – никакого уважения Книгоноша к автору «Энциклопедии» не проявляет и в помине.

Этот персонаж, по статусу лишь посредник в реальной иерархии Республики словесности, берет на себя в «Диалоге» функции критика. Начав с жалоб на вес тома, он переходит к выпадам в сторону его автора. Даже получив предупреждение от Книгопродавца, что перед ним стоит издатель словаря, Книгоноша иронизирует на грани дозволенного:

Je connais Monsieur par un livre
Fort utile à lui comme à moi,
Et qui par bonheur nous fit vivre
Tous deux longtemps aux frais du Roi [11, p. 35].

А господина знаю я по книге,
Принесшей равно пользу нам обоим,
Нам счастье выпало такое
На королевское довольство поступить.

Под «полезной обоим» книгой Книгоноша имеет в виду «Письмо о слепых в назидание зрячим», за которое Дидро попал в тюрьму Венсенского замка в 1749 году и жил, таким образом, «на королевском довольстве». Книгоноша под своим «счастьем» подразумевает выгоду, которую он извлек из запрета на публикацию, а следовательно и из роста интереса к ней. «Энциклопедию» он тоже относит к запрещенным книгам и потому досадует на ее размер – огромный том не утаишь:

Je ne blâme ici que la forme,
Et par ma foi, j'en suis fâché.
Cet écrit, sans sa masse énorme,
Pourrait être un écrit caché.
Si sa taille était plus petite
J'en répandrais incognito
Car il a, dit-on, le mérite
De ce qu'on vend sous le manteau [11, p. 35].

А тут я только форму порицаю
И право, очень злюся на нее.
Ведь сочиненье, будь оно полегче,
Сошло б за запрещенное. А будь
Оно хотя бы по размеру меньше,
Инкогнито его б распространял,
Поскольку, говорят, оно достойно,
Чтоб продавать его из-под полы.

И эти насмешки Книгоноши звучат совсем не безобидно. «Энциклопедия» помещается в один ряд с антирелигиозными трактатами, порнографическими романами и сатирическими памфлетами – самым ходовым товаром на «черном» книжном рынке Старого режима. Фактически перед нами – донос. Двойная роль книгонош как подпольных распространителей подцензурных изданий и полицейских осведомителей была хорошо известна современникам Дидро. Так, заглавный персонаж романа Ф.-А. Шеврие «Книгоноша» (*Le Colporteur*, 1761) заявляет своим клиентам, что он вовсе не «книгоноша, а эта медаль, что вы видите на мне, – пропуск, что полиция выдает мне, дабы я, разнося книги под полой, собирал скандальные анекдоты и рассказы о любовных похождениях, составлял о них памятную записку да относил ее в околоток» [12, p. 760]. Историк книги Р. Дарнтон на материалах полицейских донесений демонстрирует, что литературные поденщики не чурались разносить запрещенные книги и заодно шпионить для полиции [13, p. 26; также о книгоношах см. 14, p. 57–72].

Отметим между прочим: в следующем литературном скандале вокруг имени Дидро вновь появляется символическая фигура книгоноши-разносчика, наделенная все теми же социальными функциями. Так, пятая сцена третьего акта известной комедии Ш. Палиссо «Философы» (1760) явно напоминает «Диалог» 1751 года. В драматическом произведении книгоноша выполняет функцию не столько распространителя «Нескромных сокровищ», «Отца семейства» и «Письма о глухих», сколько их очернителя. У Дидро в «Племяннике Рамо» заглавный персонаж сам именуется разнощиком (*colporteur*), но не печатной продукции, а исключительно светских новостей, сплетен, анекдотов, приписывает себе идею упомянутой сцены из «Философов».

В этом свете иное значение обретает фраза Книгоноши в «Диалоге» о жизни «на обеспечении короля» благодаря сочинению Дидро. Не скрывается ли здесь намек на тайные услуги государству, а не только на личную выгоду? Вообще же в сатире все серьезные выпады закамouflированы под легкие насмешки. Сделано это до такой степени виртуозно, что даже современники нуждались в комментариях. В обоих упомянутых нами списках «Диалога» имеются маргиналии (всего их семь), разъясняющие соль той или иной шутки. О книге, «принесшей счастье» одновременно Дидро и Книгоноше, уже говорилось. Еще одна маргиналия также касается дела минувших дней – «Проспекта»: «Vous vous échauffez là tout comme / S'il s'agissait du *Prospectus*» («Вы горячитесь так, как будто / Речь о “Проспекте” вновь идет») [11, p. 36]. Оставшиеся пять примечаний метят в статьи из только появившегося первого тома «Энциклопедии». Если статья «Искусство», как мы помним, уже относительно давно, более полугодом, была предметом публичного обсуждения, то в отношении остальных, скрыто подразумеваемых в сатире, общественное мнение вряд ли могло окончательно сформироваться. Книгоноша остроумно подсказывает публике оценки. «Государственная власть», по его мнению, – и статья невыдержанная, и институция «неуважаемая» ее автором («Dans lui, l'autorité publique / N'est pas l'article respecté»). «Душа», что в словаре, что у Дидро – дрянная («L'âme

chez vous est trop mauvaise»), потому разносчику боязно, как бы автор-составитель словаря не обошелся с ним как с Иоанном Дунсом Скотом в статье «Аристотель» [11, р. 35–36]. Книгоноша называет Дидро умелым кондитером («bon confiseur») – маргиналия подсказывает, что «нужно смотреть статью “абрикос”, чрезвычайно неуместную» (« il faut voir l'article Abricot, très déplacé ») [11, р. 36].

Внимательный читатель затем узнает эти суждения в критических разборах «Энциклопедии» на страницах «Журналь де Треву». Статья «Государственная власть» будет упоминаться в заметках, предупреждающих правительство об опасности. В рецензии на первый том «Энциклопедии» в выпуске за декабрь 1751 года журналисты-иезуиты намекают на наивное, на их взгляд, намерение представить в учебном словаре рецепты приготовления абрикосового варенья, мармелада и повидла [15, р. 2616–2617]. Значительная часть рецензии в номере за январь 1752 года посвящена отрицанию основных положений энциклопедической статьи «Душа» [16, р. 176–186]. В последнем из разборов первого тома «Энциклопедии» за март 1752 года критик берет под защиту Иоанна Дунса Скота, которого, считает он, автор статьи «Аристотель» выставил глупцом, неспособным мыслить [17, р. 441–444]. Сопоставлять прочитанное с подразумеваемым, понимать подтекст – умение чрезвычайно развитое как в «партии философов»¹, так и у их оппонентов.

Возникает вопрос об авторстве сатирического доноса. Им задавались граждане Республики словесности сразу после появления этого текста. Так, П. Клеман в своих литературных новостях для лорда Уолдгейва от 1 октября 1751 года, сообщая восемь первых строк «Диалога» и в жанровом отношении очень точно характеризуя его как водевиль, вопрошает: «Кто же говорит тут, кто выносит решение? Кафе Проккопа, бюро госпожи такой-то, публика, состоящая из жеманной дамы, глупого щеголя, злого болвана, невежественного остроумца, уязвленного или тупого ученого (курсив наш – Д. К.)?» [19, р. 760]. Последние слова – очевидный намек на иезуитов, якобы участвующих в коллективном заговоре против энциклопедистов. И в разгар полемики вокруг нового словаря, и в исследовательской среде XX века было распространено мнение, что редакторы «Журналь де Треву» питали особую ревность к «Энциклопедии» как к конкуренту «Словаря Треву». Это утверждение доказательно опроверг К. Альбертан – эти два иезуитских проекта не были родственными [3, р. 114]. Тем не менее, скорее всего, на это, а также на язвительное февральское письмо Дидро отцу Бертье намекает П. Клеман своими дополнительными эпитетами к слову «ученый».

Кроме этой догадки современника и очевидных параллелей между сатирическими выпадами Книгоноши и критическими заметками «Журналь де Треву», у нас нет других доказательств причастности иезуитов к появлению «Диалога между Книгоношей и Дидро в лавке Книгопродавца о словаре “Энциклопедия”». Возможно, об этом имелись какие-то сведения у инспектора д’Эмери, однако его бумаги не проливают дополнительного света на это сочинение и его общественный контекст. Кто бы ни был автором «Диалога», он уловил основные тенденции полемики и, высветив плагиат и неудачную редактуру статей первого тома, придал дискуссии, помимо научного, дополнительное литературное измерение, подстегнул ее и повысил градус выступлений.

В номере 94 от 7 августа 1784 года «Журналь женераль де Франс» (*Annonces, affiches et avis divers, ou Journal général de France*) аббат де Фонтенуа опубликовал некролог Дидро вместе с двумя его письмами за 1751 год к отцу Луи Бертрану Кастелю. Этот ученый иезуит, неординарный физик и математик, пользовался особым расположением философа, его идея цветового клавиатура сочувственно упоминается как в статье «Душа» из того же первого тома «Энциклопедии», так и в «Нескромных сокровищах», и в «Сне Д’Аламбера» [см. 20]. Позволим себе процитировать длинную выдержку из одного из этих посланий² – оно получит в дальнейшем среди иезуитов значительный отклик: «Но Бога ради, преподобный отец, отчего отец Бертье преследует честного человека, у которого нет иных врагов в обществе, кроме тех, что он нажил себе своей привязанностью к Обществу Иисуса, и который с неудовольствием и крайним презрением недавно отверг оружие, что предоставили ему против ордена? Рассказать ли Вам об этом, преподобный отец? Я, без сомнения, расскажу, ибо Вы правдивый человек, и соответственно судите других. Едва два моих письма³ появились в свет, как я получил записку следующего содержания: “Если господин Дидро хочет отомстить иезуитам, то для него имеются деньги и документы; он честный человек, это известно; ему достаточно лишь сказать слово – дело за ответом”. Вот он, этот ответ: “Я сумею выпутаться из ссоры с отцом Бертье без посторонней помощи. Денег у меня вовсе не имеется, да они мне и ни к чему. Что до предлагаемых документов, то я смог бы ими воспользоваться, только весьма серьезно изучив их, а времени у меня на это нет”» [21, р. 115–116].

Удивительна не сама по себе апелляция Дидро к отцу Кастелю как арбитру в споре, а исключительно его интонация. Серьезен ли славящийся своей тонкой иронией философ, когда признается в «при-

¹ Аббат Галиани писал Ж.-Б.А. Сюару: «Черт возьми! Вы состоите в секте Дидро и в моей и не читаете между строк? Читайте между строк, читайте то, что не написано, и что все же есть в тексте» [цит. по: 18, р. 26].

² Это письмо Ж. Рот датировал серединой марта 1751 года; в готовящемся к выходу новейшем полном собрании сочинений Дидро оно датируется концом февраля – началом апреля того же года (сообщено Ж. Дюлаком).

³ Имеются в виду упомянутые ранее открытые письма Дидро к отцу Бертье.

вязанности» к ордену иезуитов? Получал ли он и вправду подобного рода записку с предложением отомстить отцу Бертье? И вообще это письмо – фальшивка или настоящее? Поскольку его автограф неизвестен, исчерпывающе ответить на эти вопросы не представляется возможным. Можно лишь предположить, что обращаясь к отцу Кастелю, Дидро надеялся создать впечатление у публики, что отец Бертье – одиночный противник, и избежать таким образом враждебности всего ордена. Впрочем, впоследствии Общество Иисуса воспримет это послание совершенно иначе. Более чем через полвека после окончания парижской распри вокруг «Перспекта» и первого тома «Энциклопедии», когда все ее фигуранты уйдут в мир иной, в другой стране иезуиты извлекут это письмо и, истолковав буквально, сделают сильным аргументом в новом противостоянии с «философами».

Отец Розавен в борьбе с «древней и новой клеветой». В конце декабря 1817 года из типографии Полоцкой Академии вышла анонимно на французском языке книга под заголовком «Защищенная и доказанная фактами истина против древней и новой клеветы» (*La Vérité défendue et prouvée par les faits, contre les calomnies anciennes et nouvelles*) [22]. Из весьма скупого на имена и факты предисловия трудно понять, о какой именно «новой клевете» на иезуитов идет речь. Ретроспективный взгляд позволяет прояснить ситуацию и соотнести появление книги с определенными событиями.

В ночь с 20 на 21 декабря 1815 года Общество Иисуса было выдворено из Санкт-Петербурга. Официальным поводом для этого послужило обращение в католичество священниками ордена (прежде всего подозрения пали на француза отца Жана-Луи Лессега де Розавена) нескольких столичных аристократов и, главное, Алексея Алексеевича Голицына, пятнадцатилетнего племянника министра духовных дел князя А.Н. Голицына. Вслед за изгнанием последовала публикация в газете «Русский инвалид» (№ 28 за

3 февраля 1816 года), в которой иезуитам были предъявлены обвинения не просто в прозелитизме, строго запрещенном в Российской империи, но, более того, в попытке узурпации духовной (возможно, и политической) власти, своего рода деспотизме. Эта «новая клевета» фактически повторяет «старый» тезис энциклопедистов, развернутый в статье «Иезуиты» («Энциклопедия», т. 8, 1765) и трактате «Об упразднении иезуитов во Франции» Д'Аламбера. Отец Розавен, высланный вместе с другими иезуитами в Полоцк, отправляет главному редактору Санкт-Петербургского издания письмо, отрицающее обвинения, и 20 февраля его копию – графу Ж. де Местру вместе с собственными комментариями и реакциями братьев по ордену на «наветы» «Русского инвалида» [23, без пагинации].

На этом Розавен не остановился и, как выясняется из другого письма от 15 сентября 1818 года к уже сложившему к этому времени полномочия сардинского посланника в России и отбывшему в Турин Ж. де Местру, последовательно опроверг «древнюю и новую клевету» в книге, изданной в конце 1817 года в Полоцке и распространенной его стараниями в столице. Завершая свои рассуждения о холодном приеме, оказанном его сочинению в высшем свете Петербурга, преподобный отец пишет: «Я предвидел, что так и будет, особенно в городе, где к чтению некоторые люди не привычны. Вообще же вовсе не для этой страны была написана книга, и она была напечатана в Полоцке только с тем, чтобы легче было ее разослать в те края, где она может оказать благотворное влияние» [23, р. 36–37]. Невозможно оценить это высказывание однозначно. С одной стороны, отец Розавен очевидно лукавит. Вряд ли в Петербурге начала XIX века в придворных кругах можно было найти нечитающего человека – видимо, в сложившейся ситуации не было потребности читать такого рода текст. Вряд ли только близость Полоцка к границе империи сделала его самым удобным местом издания – после изгнания Общества Иисуса из столицы и в перспективе изгнания за пределы России (очевидного для всех, для иезуитов в том числе) нигде больше публикация не могла состояться. С другой стороны, в этих словах есть и доля истины. Уже в 1819 году в герцогстве Моденском появляется перевод книги на итальянский язык [24], после запрета ордена в России второе издание выпускается в Авиньоне и Лувене (1825). Верно и то, что объектами критики отца Розавена становятся не российские защитники православия, а французские просветители и янсенисты. И если влияние философии Вольтера и Дидро на умы в России в 1810-е годы продолжало оставаться значительным, то что было столичной и провинциальной публике православного государства до конфликтов внутри католической церкви?

Для отца Розавена связь между янсенистами и энциклопедистами в деле разрушения Общества Иисуса и подготовки революции во Франции несомненна и важна (правомерность такого умозаключения современные историки ставят под вопрос [25, с. 177–193]). Первые были слепым оружием в руках вторых в век Просвещения, с возвращением на французский престол Бурбонов янсенисты вновь возвысили голос под воздействием последователей Вольтера, Дидро и Д'Аламбера – таков основной тезис «Защищенной и доказанной фактами истины против древней и новой клеветы»¹. Но сердцевина смысла этой книги, как

¹ Трактат завершается критическим разбором сочинения «О папе и иезуитах» (*Du Pape et des jésuites*, 1814) янсениста М.-М. Табаро, имя которого Розавен скрывает под инициалами – М. Т. [22, р. 143–175]. Из упомянутого письма полоцкого иезуита следует, что материалы для него, в частности книгу Табаро, предоставлял Ж. де Местр [23, р. 36].

почти всегда у иезуитов, заключается не в генеральной идее, а в приемах ее доказательства. Рассуждая и анализируя в духе журналистов Треву, отец Розавен в целом чрезвычайно негативно оценивает деятельность «философской партии», однако стремится выдержать беспристрастность в суждениях. Называя мыслителей XVIII века, «действ или безбожников», одними из трех непримиримых врагов религии и Общества Иисуса, автор в то же время замечает, что не все просветители «были в равной степени несправедливы по отношению к иезуитам», что П. Бейль не одобрял ожесточения, с которым нападали на последователей Игнатия Лойолы, что Ж.-Ж. Руссо отказывался выступать против них вопреки нажиму со стороны [22, р. 39]. Последний пример в этом ряду – процитированное выше письмо Дидро отцу Кастелю от 1751 года, названное Розавеном «любопытным анекдотом», оставленное без развернутого комментария, но приведенное целиком в сноске [22, р. 39–40].

Вряд ли следует доверять авторской оценке и относиться к этому письму исключительно как к курьезу, о чем уже было сказано выше. Тем более что сам полоцкий полемист вводит его, дабы усилить антитезу. Уже в следующем за проанализированным абзацем он переходит от признания за отдельными просветителями благожелательного отношения к ордену к обобщенным обвинениям. Розавен уличает «философов», «этих ... открытых врагов религиозного прозелитизма», в том, что они сами отличались горячим желанием насаждать свою точку зрения. Такова последовательная тактика ведения полемики автором-иезуитом – повернуть обвинения, выдвинутые в адрес Общества Иисуса, против самих обвинителей, обнаружить у них те же пороки и недостатки, которые они приписывали своим врагам. Для этого нужно находить схождения, какими бы они ни были, в диаметрально противоположных точках зрения. Но это также требует внимания и доверия по отношению к чужой, в целом неприемлемой позиции.

Наилучший пример такого анализа мы находим в заключительной части трактата отца Розавена. Автор подробно разбирает один из порочащих иезуитов примеров, приведенных Д'Аламбером в сочинении «Об упреждении иезуитов во Франции». Речь идет о некоем миссионере из Общества Иисуса, двадцать лет проповедовавшем в Канаде перед индейцами, неоднократно подвергавшемся смертельной опасности, но не верившем в Бога. В ответ на удивленные вопросы иезуит будто бы восклицал: «Вы не представляете, какое удовольствие испытываешь, выступая перед двадцатью тысячами людей и убеждая их в том, во что сам не веришь» [ср. 26, р. 75–76]. Отцу Розавену недостаточно раскрыть лживость этой истории. Он разоблачает позицию французского мыслителя, идущего, по его мнению, на сделку с собственной совестью: «Д'Аламбер, конечно же, не верил, что человек, который не верит в Бога, мог бы обречь себя на жизнь миссионера в Канаде; он не верил, что в ее лесах легко собрать аудиторию в двадцать тысяч человек, готовых слушать. Но какое удовольствие для философа, если бы он смог убедить всех в том, во что он сам не верил (выделено Розавеном – Д. К.), – что миссионеры, и в особенности миссионеры-иезуиты, настолько безбожны!» [22, р. 135]. Здесь мы находим и молчаливое признание за автором антииезуитского памфлета пронизательности, умения «разыграть» семантический потенциал анекдота, и одновременно – уверенность в том, что Д'Аламбер внутренне признает свою неправоту. Если принять такую логику рассуждений и перейти к следующему умозаключению, то антитеза превратится в парадокс, а враг иезуитов – в их тайного единомышленника.

И отец Розавен делает такой переход. Сразу после разбора частного случая, представленного в сноске, он делает обобщенный вывод: «Философы в глубине сердца имели такое же мнение на счет иезуитов, что и папа, что и образованные и ревностные католики; они рассматривали запрет иезуитов как страшный удар по самой Церкви» [22, р. 135]. «Парадоксальная объективность» Розавена – позиция не рядовая. Его оппоненты, конечно, тоже стремятся выбрать непредвзятый тон – вспомним, что Д'Аламбер называет себя именно «беспристрастным» автором и в качестве эпитета к своей книге берет цитату из Тацита, «правдивого» историка. Но у Д'Аламбера все сводится к тактическому приему, не подразумевающему хотя бы условное объединение противоположных точек зрения (гораздо более сложной, как мы помним, выглядит позиция Дидро в письме к отцу Кастелю).

Логика рассуждений и оценки Розавена не совпадают полностью и с тем, что пишут о «философах» в эти же годы его братья по ордену. Анонимная ода 1814 года в честь победы Александра I над Наполеоном завершается строфой, в которой «безумный, безбожный “философ” / со взором неверным и тусклым» безапелляционно призван отступить перед силой христианской веры («Mais toi Philosophe en démence / Impie, à l'œil faux et blafard ... / sois profond pour jamais») [27, р. 41; см. анализ этой строфы: 28; 29]. В выпуске «Месячника Полоцкого» за 1820 год автор, подписавшийся Х.С., размышляя над вопросом «Справедливо ли обвинять богословов за нападки на философию XVIII века?», вовсе отказывается Вольтеру, Дидро, Д'Аламберу, Кондорсе и Руссо в формальном праве называться философами. Носить это имя, полагает он, могут иметь лишь истинные духовные мыслители, но не безбожники [30, р. 56–57].

Позицию отца Розавена следует все же признать более дальновидной и, как ни странно, более последовательной. Заочная полемика с «философами» разворачивается в переломный для Общества Иисуса момент. С одной стороны, в 1814 году орден восстановлен повсеместно – это реальный успех. С другой стороны, политическая конъюнктура, сложившаяся в России после наполеоновских войн, подсказывает

неизбежность конфликта Общества Иисуса и самодержавной и православной власти. Таким образом, отец Розавен, пишущий свой трактат «не для этой страны», а для западного читателя, предпринимает попытку преодоления идей Просвещения посредством снятия противоречий через парадокс. Он готовит общественное мнение к массовому возвращению иезуитов в Западную Европу, последовавшему после окончательного запрета ордена на территории Российской империи. С июня 1820 года до самой смерти отец Жан-Луи Лессег де Розавен живет и служит в Риме.

Заключение. Для наблюдателя, наделенного одновременно воображением, вниманием, специальными и разносторонними знаниями, не может быть ничего удивительного во взаимном сближении непримиримых соперников, энциклопедистов и иезуитов. Историк и писатель в одном лице, Леопольд фон Захер-Мазох в повести «Дидро в Петербурге» (*Diderot in Petersburg*, 1874) весьма иронично описывает «хождение» философа в российскую власть и проницательно подмечает, как стирается в критической ситуации граница между материалистическими убеждениями и религиозными верованиями. Лажечников, жестокий чучельник, возвышенный до звания ученого, добивается кнутом от облаченного в обезьянью шкуру Дидро признания, что Бог существует, а также рекомендует Екатерине II преобразованного просветителя как «опасное» животное, полное «коварства» и «иезуитского лицемерия» [31, с. 423; анализ этой новеллы см. 32, с. 606–612].

Рассмотренные нами эпизоды полемики между иезуитами и энциклопедистами требуют многостороннего подхода. Не только потому, что материалом и темами для обсуждения служат теологические, философские (этические и эпистемологические), литературные тексты и проблемы. Без соответствующего социокультурного контекста «Диалог между Книгоношей и Дидро в лавке Книгопродавца о словаре “Энциклопедия”» и «Защищенная и доказанная фактами истина против древней и новой клеветы» утрачивают то значение, которое они имели в свое время. То же можно сказать и о событиях, с которыми эти сочинения связаны. Картина полемики между Обществом Иисуса и «философской партией» (и всякой литературно-идейной полемики вообще как борьбы за символическую власть) будет искаженной, если не учитывать сопутствующие общественные настроения и ожидания, длительную историю развития отношений, не привлекать широкий круг архивных источников. Там, где в первом приближении видится антагонизм, междисциплинарный анализ может раскрыть более сложный механизм взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pappas, J.N. Berthier's Journal de Trévoux and the Philosophes / J.N. Pappas // Studies on Voltaire and Eighteenth Century. – 1957. – Vol. III. – 318 p.
2. Pappas, J.N. La première suppression de l'Encyclopédie dans la correspondance de D'Alembert / J.N. Pappas // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie. – 1986. – N°1. – P. 64–70.
3. Albertan, C. Les journalistes de Trévoux lecteurs de l'Encyclopédie / C. Albertan // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie. – 1992. – N°13. – P. 107–116.
4. Article XIX // Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux arts. – Paris: Briasson & Chaubert. – Janvier 1751. – Vol. 2. – P. 303–27.
5. [Raynal, G.-T.] Nouvelles littéraires 1747–1751 / [G.-T. Raynal] // Gotha Forschungszentrum Bibliothek. – Chart. B 1138a.
6. Lough, J. The Encyclopédie / J. Lough. – Genève: Slatkine reprints, 1989 [1971]. – 430 p.
7. Bibliothèque nationale de France, Département des Manuscrits, Fond français 22156 (XCVI – Journal de l'inspecteur d'Hémery, 1750 – le 12 novembre 1751).
8. Bibliothèque nationale de France, Bibliothèque de l'Arsenal, Ms 2964.
9. Diderot, D. Œuvres complètes. 20 t. / D. Diderot. – Paris: Garnier frères, 1875–1877. – T. 20: Correspondance générale. – 1877. – 456 p.
10. Recueil Clairambault-Maurepas: chansonnier historique du XVIIIe siècle. 10 vol. / publié par E. Raunié. – Paris: A. Quantin, 1879–1884. – Vol. VII: Troisième partie. Règne de Louis XV. Madame de Châteauroux et Madame de Pompadour. 1743–1763. – 1882. – 373 p.
11. Diderot, D. Œuvres complètes. 33 t. / D. Diderot; édition critique et annotée par J. Fabre [et alt.]. – Paris: Hermann, 1975. – T. 5: Encyclopédie (Lettre A); édition critique et annotée, présentée par J. Lough et J. Proust. – 1976. – 550 p.
12. Romans libertins du XVIIIe siècle / textes établis, présentés et annotés par R. Trousson. – Paris: Robert Laffont, 1993. – 1329 p. (Collection «Bouquins»).
13. Darnton, R. The Literary Underground of the Old Regime / R. Darnton. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982. – 258 p.
14. Darnton, R. Edition et sédition. L'univers de la littérature clandestine au XVIIIe siècle / R. Darnton. – Paris: Gallimard, 1991. – 288 p.

15. Article CXXX // Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux arts. – Paris: Briasson & Chaubert. – Décembre 1751. – P. 2593–2623.
16. Article IX // Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux arts. – Paris: Briasson & Chaubert. – Janvier 1752. – P. 147–190.
17. Article XX // Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux arts. – Paris: Briasson & Chaubert. – Mars 1752. – P. 425–469.
18. Cabane, F. L'écriture en marge dans l'œuvre de Diderot / F. Cabane. – Paris: Honoré Champion, 2009. – 495 p. (Collection «Les Dix-huitièmes siècles», n°134).
19. Clément, P. Les cinq années littéraires ou Lettres de M. Clément, sur les ouvrages de littérature qui ont paru dans les années 1748–1752. T. 2 / P. Clément. – Berlin, 1755. – 476 p.
20. Perol, L. Diderot, le P. Castel et le clavecin oculaire / L. Perol // Etudes sur le XVIIIe siècle. Vol. XXIII (Autour du père Castel et le clavecin oculaire); éditées par R. Mortier et H. Hasquin. – Bruxelles: Editions de l'Université de Bruxelles, 1995. – P. 83–94.
21. Diderot, D. Correspondance. 16 vol. / D. Diderot; édition établie, annotée et préfacée par G. Roth. – Paris: Editions de Minuit, 1955–1970. – Vol. 1: 1713–1757. – 1955. – 279 p.
22. [Lesseigue de Rozaven, J.-L.]. La Vérité défendue et prouvée par les faits, contre les calomnies anciennes et nouvelles / [J.-L. Lesseigue de Rozaven]. – Polock, 1817. – 178 p.
23. Archives jésuites à Vanves, Bibliothèque slave, Fonds Gagarine, carton 5-IX.
24. [Lesseigue de Rozaven, J.-L.]. La verità difesa e provata coi fatti contro le calunnie viete e nuove. Opera recentissima tradotta dal francese in italiano dal Conte Francesco Pertusati. Polock, 1817 / [J.-L. Lesseigue de Rozaven]. – Reggio: G. Davolio, 1819. – 195 p.
25. Чудинов, А.В. Французская революция: история и мифы / А.В. Чудинов. – М.: Наука, 2006. – 310 с.
26. [D'Alembert, Jean Le Rond]. Sur la destruction des jésuites en France / [Jean Le Rond D'Alembert]. – [S.l.], 1765. – 235 p.
27. Augustissimo ac potentissimo Alexandro I. Imperatori et autocratori totius Rossiae De innumeris hostium Copiis Triumphatori Magno Regnum Regnorumque Pacificatori Magnanimo, fundatori suo clementissimo Academia Polocensis Societatis Jesu. D.D.D. – [Polociae, 1814]. – 74 p.
28. Кондаков, Д.А. Франкофония ордена иезуитов в Беларуси XVIII–XIX веков / Д.А. Кондаков // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. – 2011. – № 10. – С. 2–9.
29. Kondakov, D. Les «coquins de la Russie Blanche»: la francophonie jésuite en Biélorussie aux XVIIIe et XIXe siècles / D. Kondakov // La francophonie européenne aux XVIIIe–XIXe siècles: Perspectives littéraires, historiques et culturelles, sous la direction de Elena Gretchanaïa, Alexandre Stroeve et Catherine Viollet. – Bruxelles: Peter Lang, 2012. – P. 137–150.
30. Czy można teologów słusznie obwiniać, że na filozofią 18go wieku powstawali ? // Miesięcznik Połocki. – 1820. – T. I (N°1–4). – P. 44–57.
31. Захер-Мазох, Л. фон. Коломейский Дон-Жуан: [Повести и рассказы] / Л. фон Захер-Мазох; [пер. с нем., предисл. и примеч. Е. Воропаева]. – СПб.: Акад. проект, 2000. – 440 с.
32. Полуобяринова, Л.Н. Леопольд фон Захер-Мазох – австрийский писатель эпохи реализма / Л.Н. Полуобяринова. – СПб.: Наука, 2006. – 646 с.

Поступила 25.10.2013

JESUITS VERSUS ENCYCLOPAEDISTS: PAGES WRITTEN IN PARIS AND POLOTSK FOR A LITERARY CONTROVERSY

D. KONDAKOV

The article deals with two episodes of the literary controversy between the Jesuits and the Encyclopaedists. The first one focuses on an anonymous and little-known satire “Dialogue entre un Colporteur et Diderot dans la boutique d’un Libraire, sur le Dictionnaire de l’Encyclopédie” (“Dialog between a Book peddler and Diderot in a Bookshop about the Dictionary of Encyclopedia”) spread in Paris in mid-September 1751 and anticipating the headlines of Father Berthier’s attack on the articles of the Encyclopedia’s first volume. The second episode is related to the treaty by Father Rozaven “La Vérité défendue et prouvée par les faits, contre les calomnies anciennes et nouvelles” (“Verity Protected and Proved by the Facts against Ancient and New Calumnies”) published in Polotsk in December 1817. This writing includes the refutation of deistic ideology as well as a paradoxical attempt to match opinions of the Society of Jesus and the “philosophical party”. In both cases, the matters of knowledge turn to be the means in the struggle for symbolic power.